

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Природа страха перед смертью, а также возможно ли преодоление этих переживаний //

Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.75787 EDN: GVOPQC URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75787

Природа страха перед смертью, а также возможно ли преодоление этих переживаний

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт философии Российской академии наук"

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.75787

EDN:

GVOPQC

Дата направления статьи в редакцию:

06-09-2025

Дата публикации:

20-11-2025

Аннотация: В статье обсуждается феномен страха перед смертью и возможность снизить или преодолеть этот страх. Существующие психологические объяснения этого явления учитываются автором, но кажутся ему недостаточными. Он предлагает рассмотреть страх перед смертью в разработанной им концепции схемологии, в которой главным объектом выступают семиотические схемы. На нескольких примерах характеризуется понимание автором понятия «схема», как структуры содержащей «проблемную ситуацию», «новую реальность», позволяющую понять происходящее, «новое действие». Автор показывает связь понятия схемы с понятием культуры. Исследования показывают, что в культуре складываются проблемные ситуации и формируется «семиозис», знаки и знания которого человек использует для задания схем (с семиотической точки зрения, схема представляет собой сложный знак, а в проекции к реальности знание). Обсуждается,

почему в архаической культуре и культуре средних веков страх перед смертью был минимальным, а в других, особенно в модерне он максимален. Это связано, прежде всего, с тем, что первые культуры основывались на духовных практиках, предполагающих существование бессмертных душ, в то время как в модерне такое существование отрицается наукой. Тем не менее, отдельные личности, и в новоевропейской культуре, о чем пишет В.С. Библер, могут преодолевать социальную и культурную обусловленность. Предлагается анализ, объясняющий в рамках схемологии, как происходит смена жизненного мира и чувственности человека. Эти процессы, по утверждению автора, лежат в основании страха перед смертью или его преодоления. Он старается показать, что построение схем и смена жизненного мира обуславливают перегруппировку и перестройку структур мозга и нейронов, но последние нельзя считать причиной схематизации и смены жизненного мира, поскольку указанная детерминация опосредована наличием таких посредников как воображение, осмысление и осознание.

Ключевые слова:

смерть, страх, схемы, культура, реконструкция, понимание, реальность, сновидение, жизненный мир, личность

Платон считал, что, если правильно жить, то возможно преодолеть страх перед смертью. «Такой человек, – пишет он в “Послезаконии”, – даже восполнив смертью удел своей жизни, на смертном одре не будет, как теперь иметь множества ощущений, но достигнет единого удела, из множественности станет единством, будет счастлив, чрезвычайно мудр и вместе блажен» [\[8, с. 458\]](#).

Интересно, что в истории культуры были периоды (архаическая культура и Средние века), когда страх перед смертью был относительно невелик. В архаической культуре человек считал, что жизнь сосредоточена в душе, которая никогда не умирает. Смерть человека он понимал как уход души навсегда из тела в другой дом (могилу, страну предков, древо жизни). Поэтому, конечно тоже боялся, но не так сильно, ведь смена жилья достаточно обычное дело. В Средние века, если иметь в виду христианскую культуру, складывается убеждение, что Бог обязательно воскресит умершего, и он будет продолжать жить уже «там», с Господом. «Посему, – читаем в «Речи против эллинов» Татиана Ассирийца (112 – 185 гг., т.е. речь идет о становлении христианства, – В.Р.), – мы веруем, что по окончании всего будет Воскресение тел – не так как учат стоики, по мнению которых после некоторых периодов времени одни и те же существа всегда являются и погибают без всякой пользы, – но однажды, по исполнении наших веков, и единственно ради восстановления одних человеков для суда...Пусть огонь истребит мое тело, но мир примет это вещество, рассеявшееся подобно пару; пусть погибну в реках или морях, пусть буду растерзан зверями, но я сокроюсь в сокровищнице богатого Господа. Человек слабый и безбожник не знает, что сокрыто; а Царь Бог, когда захочет, восстановит в прежнее состояние сущность, которая видима для Него одного» [\[13\]](#).

Как мы видим, страх перед смертью отступал, если человек верил в бессмертии души, кстати, это убеждение сохраняется и в последующих культурах. Яркий пример учение Эмануэля Сведенборга, известного шведского ученого и инженера начала XVIII столетия. Как ученый и картезианец Сведенборг не мог принять убеждение христиан в

бессмертие души и воскрешение (при том что сам он был глубоко верующим человеком). Разрешая эту проблему, Сведенборг приходит к мысли, что смерти нет вообще. В его учении утверждается, что каждый человек – это бессмертный дух, и когда наступает время ухода из жизни, одни духи, любящие добро, становятся ангелами и поднимаются на небо служить Господу, а другие, склонные к злу, превращаются в демонов и опускаются в ад.

Каким образом психологи объясняют страх перед смертью? Вот одно из мнений, представляющий собой обзор от ИИ: «Человек боится смерти из-за страха перед неизвестностью, потери контроля, потери близких, страха перед одиночеством, а также из-за религиозных убеждений и личного негативного опыта. Этот страх является естественной частью инстинкта самосохранения, который помогает людям избегать рисков. Однако, когда страх становится чрезмерным и мешает жить, это может указывать на патологическое состояние – танатофобию» [\[10\]](#). Этот взгляд на страх перед смертью известен, в целом понятен, но мне как философу и семиотику в настоящее время кажется недостаточен.

В нашей культуре (модерне) страх смерти посещает почти каждого человека, причем некоторых даже гнетет и лишает жизненных сил. Спрашивается почему, в наш-то рациональный век, с его концепцией символического бессмертия, как продолжения индивидуальной жизни в форме трудов, наследников, отношений других к себе любимому. Очевидно, подвизающихся в страхе эта концепция не спасает, не убеждает, ведь твои труды и наследники (дети, или наследники твоего дела) – это не ты, они не сохраняют тебя с твоими уникальными ощущениями и мыслями, с твоим бытием, активностью и переживаниями. С неплохим анализом современного состояния проблемы страха перед смертью и путей его разрешения можно познакомиться в книгах Эрнста Беккера «Отрицание смерти» и Ирвина Ялома «Вглядываясь в солнце: жизнь без страха смерти». «Одной из ключевых идей Беккера, – пишет И. Шаповалов, – является то, что мы можем научиться жить лучше, осознавая неизбежность смерти. Он утверждает, что понимание того, что жизнь временна, может помочь нам ценить каждый момент и жить более осознанно» [\[15, с. 409\]](#). «Иными словами, – отмечает И.Ялом, – чем менее эффективно прожита жизнь, тем болезненнее страх смерти. Чем меньше вы совершили за свою жизнь, тем больше боитесь смерти. Ницше убедительно высказал эту мысль в двух коротких эпиграммах – “Проживи жизнь до конца” и “Умри вовремя!” Так сделал и Грек Зорба, сказав: “Не оставляй смерти ничего, кроме сожженного замка”» [\[18\]](#).

Существуют и другие исследования страха перед смертью, главным образом психологические и в рамках экзистенциализма. В них показывается, что страх перед смертью снижается или трансформируется (в направлении позитивного отношения к жизни), как в случае осмысления и переосмысления феномена смерти, так и практикования символической смерти. Можно согласиться, современные западные исследования показывают, страх смерти является фундаментальным и универсальным переживанием, глубоко влияющим на мироощущение и поведение человека. Что его преодоление рассматривается не как полное элиминирование, а скорее управление жизненными программами и стратегиями. В одном случае позволяющее нащупать смысл жизни, в другом, включить осознание смерти в саму жизнь, в третьем, работать с мифами и иррациональными идеями. Здесь можно сослаться не только на Беккера и Ялома, но и на других авторов и направления исследования (их много, укажем для примера [\[19-22\]](#)).

В отличие от указанных работ и подходов в данной статье будет обсуждаться, с одной стороны, выработанные историей семиотические средства, позволившие конституировать

смерть, страх перед ней, а также осмысление этого страха, снижающие его действие. С другой стороны, будет предложен еще один теоретический вариант объяснения становления страха перед смертью. Он относится частично к авторскому варианту психологии, частично к семиотике и культурологии (тоже в авторской разработке). Я предложу понимание смерти и страха перед ней, используя подход и понятия концепции «схемологии» [\[11\]](#). На мой взгляд, схемология выполняет в гуманитарных науках роль, сходную с ролью математики в естественных науках. Схемы, выступая своеобразным мостом между проблемами человека и создаваемыми им новыми объектами, изобретаются человеком, позволяя ему разрешить проблемы, понять происходящее, задать новую реальность, а потом и объекты, по-новому действовать.

Сначала две гипотезы. Первая, переживания смерти в теоретическом плане могут быть поняты как обусловленные определенными схемами (культурными, позднее также приватными, личностными).

Схемы, конституирующие страх перед смертью или его преодоление

В культуре Древних царств человек впервые переживает глубокий страх перед смертью, понимаемой примерно как вечная тюрьма. Читаем эпос о Гильгамеше, где рассказывается о пребывании душ умерших в загробном мире.

«в дом мрака, в жилище Иркаллы,

В дом, откуда вошедший никогда не выходит,

В путь, по которому не выйти обратно,

В дом, где живущие лишаются света,

Где их пища – прах и еда их – глина,

А одеты, как птицы, одеждою крыльев,

И света не видят, но во тьме обитают,

А засовы и двери покрыты пылью!» [\[6, с. 186\]](#)

проблемная ситуация	СХЕМА →	новое действие
	<i>новая реальность</i>	
<i>понять, что такое смерть, и что надо делать</i>	<i>жизнь в царстве Иркаллы, где правит богиня смерти Эрешкигаль</i>	<i>переживание страха перед загробной жизнью, погребальные ритуалы</i>

Рис. 1 (читается слева направо)

Эта таблица (Рис. 1) задает структуру схемы, которая не сводится только к приведенному

фрагменту эпоса о Гильгамеша. Помимо этого фрагмента (нарратива), который в схемологии истолковывается как сложный **знак**, а с учетом коммуникации и общения, как **знание**, схема содержит «проблемную ситуацию», задает «новую реальность» и создает условия для «нового действия».

В античной культуре страх перед смертью во многом был связан с убеждением, что душа в царстве смерти (скажем, в Греции подземного бога Аида) без тела живет одними воспоминаниями, ей уже совершенно недоступны земные радости и переживания. К. Хюбнер пишет, что умершие в царстве Аида «обладают памятью и пролетевшая жизнь стоит перед их глазами, но они лишены всякого сознания будущего и тем самым также и настоящего, определяемого будущим. Поэтому Одиссей видит умерших в подземном мире как тени, "печальные души", из которых ушло ожидание грядущего и тем самым жизнь... И все же, согласно гомеровским представлениям, как подчеркивает В. Отто, умерший "еще здесь". Об этом же пишет и Кассирер: "умерший все еще 'существует'"» [\[14, с. 211, 213\]](#).

Древние греки боялись приближение смерти, что отразилось в их поэзии. Вот два стихотворения Лесбоса Алкея и Феогнида, свидетельствующие об этом:

Что, Меланипп, обещает нам тризна плачевная?

Вправду ли мнишь, переплыв Ахеронта великий вир,

Некогда в теле воскреснуть и солнца небесного

Чистый приветствовать свет? Высоко ты заносишься!..

Тюжкий, под глыбами черной земли. Не надейся же,

К мертвым сошед, преисподней покинуть обители [\[5, с. 171\]](#).

Матерь! Бессмертных дары мы терпеть, и страдая, повинны;

Клонит под иго нужда: небожителей нам не осилить...

Мы же бессмертных дары претерпеть, и страдая, повинны:

Нудит к тому нас нужда, нам ярмо тяготеет на вые.

Лучший удел из уделов земных – не родиться на землю;

Дар вожделенный – не зреть солнечных острых лучей.

Если ж родился, скорее пройти чрез ворота Аида, –

В черную землю главу глухо зарыв, опочить [\[5, с. 198, 199\]](#).

Приведенные здесь нарративы в концепции схемологии могут быть истолковываны как схемы, позволяющие понять, что такое смерть и за счет этого частично преодолеть страх перед ней, т.е. первая функция схемы – разрешать «проблемные ситуации». Вторая функция – задавать «новую реальность», например, бытие души в загробном мире.

Третья – создавать условия для нового действия, скажем, как в античности, скорби об умершем и обращения к нему для облегчения его участи.

В Древнем мире проблемная ситуация была во многом обусловлена социальным неравенством. Боги, царь и, как бы мы сегодня сказали, элита присвоили себе право лучшей жизни, в том числе и на том свете, а остальное население вынуждено было принять эти условия, не исключая пребывания в загробном мире. Боги считались бессмертными и владеющими всеми мыслимыми благами, царь понимался как живой бог, представители элиты (полководцы, приближенные к царю, богатые писцы и торговцы) строили богатые захоронения, в которых по уверениям жрецов можно было создать бессмертные «дубли» их смертной души (например, в Древнем Египте по просьбе жрецов боги создавали для заказчика вторую душу «Ка», причем, она считалась бессмертной).

В оппозиции к этим схемам Платон создает новую схему (Рис. 2), позволяющую, действительно, преодолеть страх перед смертью. Для этого он наделяет души не только бессмертием, но и личностью. Одна из особенностей личности – выбор и самостоятельное поведение. В «Государстве» описана ситуация встречи богини судьбы с душами, готовящимися к очередному циклу земной жизни. Так вот, души самостоятельно выбирают свою будущую судьбу, представленную в определенном жребии.

«После этих слов прорицателя сразу же подошел тот, кому достался первый жребий, он взял себе жизнь могущественного тирана (*выше богиня судьбы Лахесис, бросавшая в толпу душ жребии, сказала: «Добродетель не есть достояние кого-либо одного, почитая или не почитая ее, каждый приобщается к ней больше или меньше. Это – вина избирающего, бог не виновен».* – В.Р.). Из-за своего неразумия и ненасытности он произвел выбор, не поразмыслив, а там таилась роковая для него участь – пожирание собственных детей и другие всевозможные беды. Когда же он потом, не торопясь, поразмыслил, он начал бить себя в грудь, горевать, что, делая свой выбор, не посчитался с предупреждением прорицателя, винил в этих бедах не себя, а судьбу, богов – все что угодно, кроме себя самого...Случайно самой последней из всех выпал жребий идти душе Одиссея. Она помнила прежние тяготы и, отбросив всякое честолюбие, долго бродила, разыскивая жизнь обыкновенного человека, далекого от дел; наконец, она насилу нашла ее, где-то валявшуюся, все ведь ею пренебрегли, но душа Одиссея, чуть ее увидела, с радостью взяла себе» [\[9, с. 417, 418-419\]](#).

проблемная ситуация	СХЕМА →	новое действие
	<i>новая реальность</i>	
<i>Как преодолеть страх перед смертью?</i>	<i>сознательная жизнь, включающая рефлексия и правильный выбор</i>	<i>поступок, пересмотр жизни</i>

Рис. 2

Это пример одной из первых схем, позволяющих преодолеть страх перед смертью. Потом было создано, как правило, выдающимися личностями много других подобных схем, но в культуре модерна, где отрицается бессмертие души, их построение очень затруднено, поскольку признание биологической ипостаси человека, предполагает и признание его конечности. Раз человек конечен, он смертен, поскольку смертен, ему не избежать страха перед смертью. Поэтому снова ищется схема, в которой бы утверждалась бесконечность жизни человека. Вот яркий пример, размышление-схема Николая

Бердяева. Решение он видит в новом понимании человека, как принадлежащего вечности.

«Жизнь, – пишет Бердяев, – благородна только потому, что в ней есть смерть, есть конец, свидетельствующий о том, что человек предназначен к другой, высшей жизни. Она была бы подлой, если бы смерти и конца не было, и она была бы бессмысленной. В бесконечном времени смысл никогда не раскрывается, смысл лежит в вечности. Но между жизнью во времени и жизнью в вечности лежит бездна, через которую переход возможен только лишь путем смерти, путем ужаса разрыва. В этом мире, когда он воспринимается как замкнутый, самодостаточный и законченный. все представляется бессмысленным, потому что все тленное, преходящее, т. е. смерть и смертность всегда в этом мире и есть источник бессмыслицы этого мира и всего в нем происходящего. Такова одна половина истины, открытая для ограниченного и замкнутого кругозора. Гейдеггер прав, что обыденность (*das Man*) парализует тоску, связанную со смертью. Обыденность вызывает лишь низменный страх перед смертью, дрожание перед ней как перед источником бессмыслицы. Но есть другая половина истины, скрытая от обыденного кругозора. Смерть есть не только бессмыслица жизни в этом мире, тленность ее, но и знак, идущий из глубины, указующий на существование высшего смысла жизни. Не низменный страх, но глубокая тоска и ужас, который вызывает в нас смерть, есть показатель того, что мы принадлежим не только поверхности, но и глубине, не только обыденности жизни во времени, но и вечности. Вечность же во времени не только притягивает, но и вызывает ужас и тоску. Тоска и ужас вызываются не только тем, что кончается и умирает дорогое нам, к чему мы привязаны, но в большей степени и еще глубже тем, что разверзается бездна между временем и вечностью. Ужас и тоска, связанные со скачком через бездну, есть также надежда человека, упование, что окончательный смысл откроется и осуществится. Смерть есть не только ужас человека, но и надежда человека, хотя он не всегда это сознает и не называет соответственным именем. Смысл, идущий из другого мира, действует опаляюще на человека этого мира и требует прохождения через смерть. Смерть есть не только биологический и психологический факт, но и явление духа» [\[2, с. 218\]](#).

Таким образом, как понимание страха перед смертью, так и преодоление этого страха задается схемами, но, конечно, надо понимать, что за схемами стоят культура и личность. Культура беременна проблемными ситуациями, в ней складывается определенный «семиозис», знаки и знания которого человек использует для задания схем (я показываю, что с семиотической точки зрения, схема представляет собой сложный знак, а в проекции к реальности знание). В архаической культуре и культуре средних веков страх перед смертью был минимальным, в других, особенно в модерне он максимален. И связано это, прежде всего, с тем, что первые культуры основывались на духовных практиках, предполагающих существование бессмертных душ, в то время как в модерне такое существование отрицается наукой. Тем не менее, отдельные личности, и в нашей культуре, о чем пишет В.С. Библер, могут преодолевать социальную и культурную обусловленность. Возможность самоотстранения и самоотстранения, считает Библер, позволяет индивиду «вырываться за пределы внешней социальной и идеологической детерминации и самодетерминировать свою судьбу, свое сознание, т. е. жить в горизонте личности. То есть быть индивидом, а не социальной ролью» [\[3, с. 122\]](#). Следовательно, отдельные личности, что и наблюдается, могут подниматься до создания схем, снижающих или полностью снимающих страх перед смертью.

Обратим теперь внимание, что страх перед смертью или его преодоление явно сопровождаются сильными переживаниями и эмоциями. Что это такое в рамках данного

подхода и обсуждения, а не просто с психологической точки зрения? На этот вопрос проливает свет вторая гипотеза.

Разрешение экзистенциальных проблемных ситуаций нередко влечет за собой смену жизненного мира и чувственности (видения, восприятия, ощущений себя и мира)

Для лучшего понимания и опоры на фактический материал, рассмотрим сначала кейс – одно воспоминание, рассказанное Карлом Юнгом в его последней книге. Этот кейс настолько выразителен и продуктивен, что я его часто привлекаю для анализа. Будучи еще подростком, в летний день 1887 года Юнг, подумал: «Мир прекрасен и церковь прекрасна, и Бог, который создал все это, сидит далеко-далеко в голубом небе на золотом троне и ... Здесь мысли мои оборвались и я почувствовал удушье. Я оцепенел и помнил только одно: Сейчас не думать! Наступает что-то ужасное.

(После трех тяжелых от внутренней борьбы и переживаний дней и бессонных ночей Юнг все же позволил себе додумать начатую и такую, казалось бы, безобидную мысль. – В.Р.).

Я собрал всю свою храбрость, как если бы вдруг решился немедленно прыгнуть в адское пламя, и дал мысли возможность появиться. Я увидел перед собой кафедральный собор, голубое небо. Бог сидит на своем золотом троне, высоко над миром – и из-под трона кусок кала падает на сверкающую новую крышу собора, пробивает ее, все рушиться, стены собора разламываются на куски».

Интересно, что вместо очередного страха Юнг пережил огромное облегчение. Он понял волю Бога, а также поступки своего отца. Последний формально верил в Бога, как предписывала Библия, не знал живого Бога, который может заставить отца оставить его взгляды и даже ради свободы разрушить Церковь. [\[16, с. 46, 50\]](#).

Перед нами сложная схема и новое видение реальности, на которые Юнг выходил трое суток. Она задает не только новое понимание Бога, но и установку на практическое новое действие – разрыв с церковью и творцом.

«В этой религии, – пишет Юнг после первого причастия, – я больше не находил Бога. Я знал, что больше никогда не смогу принимать участие в этой церемонии. Церковь – это такое место, куда я больше не пойду. Там все мертво, там нет жизни. Меня охватила жалость к отцу. Я осознал весь трагизм его профессии и жизни. Он боролся со смертью, существование, которой не мог признать. Между ним и мной открылась пропасть, она была безгранична, и я не видел возможность когда-либо преодолеть ее» [\[16, с. 64\]](#).

Рис.3 Церковь в Кесвиле, в которой служил отец Юнга

Что собой представляла для Юнга проблемная ситуация. Его занимали две экзистенциальные проблемы. Первая. Взаимоотношения с отцом, потомственным священнослужителем, который по мнению Юнга догматически выполнял свой долг: имея религиозные сомнения, не пытался их разрешить, и вообще был несвободен в отношении христианской веры. Вторая проблема – выстраивание собственных отношений с Богом, уяснение отношения к Церкви. Зная, что Юнг потом сделал, разорвав кардинально с отцом и церковью, мы можем предположить, что еще до первого причастия он хотел разорвать эти отношения, но не мог в этом себе признаться, поскольку такой поступок выглядел бы в глазах верующих (а Юнг, безусловно, к ним принадлежал) кощунственным.

Интересно, что за Юнга решение сначала берет на себя его психика, которая под давлением желания разрешить проблемную ситуацию продуцировала испугавшую его как верующего человека удивительную галлюцинацию-фантазию. Три дня Юнг сживался с этой подсказкой и невольно искал способ ее оправдать, поскольку именно такого разворота событий он, не признаваясь в этом, желал. Препятствием на пути признания возможности разорвать с отцом и церковью выступала именно вера, страх, что Бог его покарает. Какой Бог? Тот, о котором говорили отец и в церкви. А что (вероятно, где-то на заднем плане сознания), подумал Юнг, Бог совсем другой, больше напоминающий революционера. Такой Бог Юнгу очень подходил, он мог дать санкцию на разрыв с отцом и церковью. Но каким образом такого Бога вывести на свет (в сознание)? Воспоминания Юнга подсказывают ответ: построив схему, где Бог был уже другой. В этой новой реальности «свободный и всемогущий» Бог, «стоит над Библией и над Церковью», «призывает людей стать столь же свободным», Он «может заставить отца оставить все его взгляды и убеждения», «заставляет отказываться от традиций, сколь бы священными они ни были» (все это явно схемы).

Каким образом Юнг создал нового Бога. Вынуждено, конечно, но начинается он со старой реальности, заимствуя из нее фигуру Бога. Далее он приписывает Господу ипостась революционера. В результате ряд характеристик Творца, противоречившие новой ипостаси, Юнг вынужден был опустить (забыть). Как революционер новый Бог может устроить революцию, что-то разрушить и создать. Вот Юнг и устраивает своеобразную революцию, в которой Бог непотребным образом разрушает церковь и дает санкцию на нужный Юнгу разрыв.

Специально обращаю внимание: Юнг не только вводит новый «предмет» – Бога-революционера, но и обустривает Его в новом мире, одновременно обустривая и сам

этот мир. Новый мир – мир Бога-революционера, мир революционных преобразований. Вероятно, недостаточно создать один или несколько новых предметов, нужно сформировать новую реальность, в которой можно по-новому жить. Иначе говоря, в результате творчества Юнга его жизненный мир меняется, претерпевает метаморфоз.

По Гуссерлю «жизненный мир состоит из суммы непосредственных очевидностей, которые задают формы ориентации и человеческого поведения... В границах инвариантов жизненного мира возникает нечто, что может быть отождествлено со сферой субъективного» [4]. Для нас, однако, не менее важна характеристика, позволяющая считать жизненный мир реальностью, в которой существуют значимые для индивида предметы, связанные определенными отношениями (в одном случае канонический Бог, церковь, отец; в другом Бог-революционер, разрыв с церковью и отцом). Кроме того, будем исходить из того, что жизненный мир может сохраняться, несмотря на то, что в него включаются новые предметы, но когда-то наступает период перестройки жизненного мира (создаются новые предметы, складываются отношения между ними, не похожие на прежние).

Если опираться на анализ нашего кейса, обобщая его, то конструирование новых предметов можно помыслить следующим образом. Первоначально в жизненном мире появляется неосмысленный феномен (фантазия Юнга). На его основе при двух условиях складывается новый предмет. Во-первых, индивиду удастся изобрести схему (в виде нарратива, метафоры, символа и пр.). Во-вторых, сравнить новый предмет с другими в отношении сходства и отличия. В результате предмет входит в реальность жизненного мира.

Осознает ли Юнг, что он оказался в новой реальности, попал в новый мир (кстати, который он сам и выстроил)? Думаю, отчасти да, об этом свидетельствует его фраза: «вместо ожидаемого проклятия благодать снизошла на меня, а с нею невыразимое блаженство, которого я никогда не знал... Я понял многое, чего не понимал раньше, я понял то, чего так и не понял мой отец, – волю Бога». Роль **осознания новой реальности (мира)**, как отличающейся от других реальностей, здесь очень важна, без этого **невозможно изменение сознания и поведения**. Чтобы лучше понять этот тезис, приведу еще один кейс – детские сновидения автора, относящиеся к периоду эвакуации нашей семьи во время войны в город Куйбышев.

Мне было пять или шесть лет. Мама день и ночь работала на авиационном заводе и лишь изредка урывала несколько часов, чтобы навестить меня и брата в детском саду. Почти всегда она приносила что-то вкусное: какао в термосе, шоколад или что-нибудь еще. И вот мне упорно стал сниться сон с мамой и вкусными продуктами в придачу. Понятно, как я огорчался, когда просыпался: нет ни мамы, ни какао. Наконец, чтобы не обманываться и не огорчаться понапрасну, я решил проверять себя – щипать за ухо: если больно – не сплю, если не больно – сплю. И в ту же ночь мне приснился сон: приезжает мама, я дергаю себя за ухо, убеждаюсь, что не сплю, пью какао и затем... просыпаюсь. Дальше все ясно. Сила огорчения прочно отпечатала этот сон в моей памяти.

Что я понял, вспоминая этот сон? То, что я видел во сне, не существует наяву, мама во сне, хотя и мама, но ее нет. Начиная с этих сновидений, я постепенно начал понимать, что есть сон и не сон, что предметы и события, приснившиеся во сне, не существуют наяву, в обычной жизни. Позднее, уже школьником, я сообразил, что логика

сновидческих событий очень не похожа на обычную. Время прерывается и скачет, темы и события часто сменяют друг друга без всякого смысла, снящиеся люди нередко составлены из нескольких знакомых лиц, события выглядят необычно и странно. Кроме того, проснувшись, я перестал воспринимать сновидческие предметы и события натурально как реально существующие. Начал их ощущать и понимать как воспоминания, образы, фантазии. Моя чувственность в отношении сновидений изменилась. Другими словами, в результате разрешения описанной здесь экзистенциальной ситуации изменился не только мой жизненный мир, в котором я развел сновидения и бодрственную жизнь (восприятие), но и моя чувственность.

Подумаем, как в первом кейсе устроена проблемная экзистенциальная ситуация? С одной стороны, существуют старые структуры, которые отбросить невозможно (не может Юнг перестать верить в Бога). С другой стороны, проблемная ситуация задает новые содержания (желание Юнга порвать с церковью и отцом). Кажется, полный тупик. Но Юнг приходит к мысли, что раз Бог всемогущий и свободный, Он может все, даже самое невероятное, противоречащее Библии и Новому Завету.

Открытие подобных «посредников» (термин Бруно Латура [\[7, с. 331-332\]](#)), а это настоящие посредники, наводящие «мосты» между новыми и старыми структурами и содержаниями, позволяет Юнгу сделать следующий креативный шаг – построить схему, разрешающую, проблемную ситуацию. Могущественный и свободный Бог, разрушающий церковь, не только позволяет существовать старым и новым структурам, правда, ограничивая их территорию, но и разрешает проблемную экзистенциальную ситуацию, открывая дверь в чреватый серьезными последствиями поступок. Ну, а с точки зрения соматического подкрепления, психика «строит» галлюцинацию (сон наяву), который сознанием воспринимается как видение нового феномена (Бога, разрушающего церковь). Впрочем, разворачивающаяся галлюцинация не образует целого; целое задается проблемной ситуацией, intersubъективным контекстом, творчеством индивида, включающим изобретение посредников и схем.

Теоретическое обобщение

Таким образом, мы предполагаем, что как страх перед смертью, так и его преодоление связаны со сменой жизненного мира и чувственности человека. Здесь так и напрашивается редуцировать чувственность к работе мозга или нейронных сетей и объяснить указанную смену их физикалистской природой. Но мы этого делать не будем, и потому, что помимо мозга не меньшую роль играет психика, и потому, что придерживаемся другой методологии, считая мозг не причиной функционирования психики и сознания, а их субстратом. В этом отношении наш дискурс примерно такой. Да, построение схем и смена жизненного мира обуславливают перегруппировку и перестройку структур мозга и нейронов, но последние нельзя считать **причиной** схематизации и смены жизненного мира. Здесь *детерминация* опосредована наличием таких посредников как **воображение, осмысление и осознание**, которые, в свою очередь, обусловлены, с одной стороны, **индивидуальностью человека**, с другой – **общением и intersubъективными обстоятельствами** (например, как в нашем примере семейным воспитанием, общением Юнга с отцом, школой и пр.). Конкретные механизмы детерминации (от схематизации к работе мозга) и *обеспечения* (от работы мозга к сознанию) пока неизвестны (подобно тому, как мы не знаем, что происходит в нейронных сетях, когда мы их обучаем или когда они работают). В своих исследованиях автор

установил только следующую, но на его взгляд, важную закономерность: построение схем предполагает воображение и означение, а те, в свою очередь, обуславливают нужное функционирование «психобиологического плацдарма» (мозга, нервной системы, чувств).

В указанной смене, как видно из материала кейсов, большую роль играет осознание новых предметов и в целом жизненного мира (появление Бога-революционера, различение реальностей сновидения и бодрствования). В схемологии осознание можно понять тоже как процесс построения особых схем, назовем их «рефлексивными», разрешающих, как правило, экзистенциальные проблемные ситуации. Например, Юнг должен был понять, чем его новый Бог отличается от канонического, школьного; я – чем мама во сне отличается от настоящей мамы. Схемы, разрешающие подобные проблемы, по отношению к предыдущим обычно выглядят как обобщения, осознания многих частных случаев. Соответственно этим обобщением и структурируется субстрат (мозг, сеть нейронов и пр.); скажем, канонический Бог и Бог-революционер, сновидческие события и обычные в период бодрствования.

Кстати, встав взрослым и пройдя уже большой жизненный путь, Юнг создает рефлексивные схемы, разрешающие его мировоззренческие экзистенциальные проблемы.

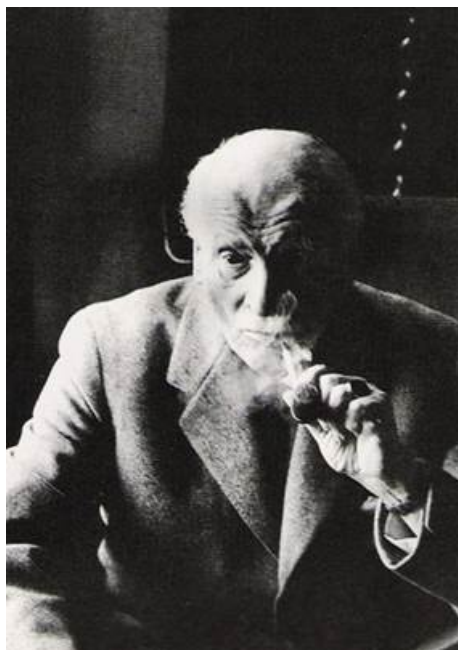

Рис. 4. Юнг в старости, когда была написана его последняя книга

«Тогда, – вспоминает Юнг, – я не видел различия между “я” первым и “я” вторым, кроме того, что мир второго “я” был только моим. И все же меня никогда не покидало чувство, что в том втором мире было замешано что-то еще помимо меня. Что же именно? Вот: “Будто невидимый дух витал в моей комнате — дух кого-то, кого давно нет, но кто будет всегда, кто существует вне времени. В этом было нечто потустороннее”... Мне казалось, что горы, реки, озера, прекрасные деревья, цветы и звери с большим правом могут называться Божьими подобиями, нежели люди с их смехотворными одеждами, с их бестолковостью и тщеславием, лживостью и отвратительным эгоизмом – со всем тем, что я так хорошо узнал в себе, то есть в моем “номере 1”, школьнике из 1890 года. Но

существовал и другой мир, и он был как храм, где каждый забывает себя, с удивлением и восторгом постигая совершенство Божьего творения. В этом мире жил мой "другой", который знал Бога в себе, знал Его как тайну, хотя это была не только его тайна. Там, в этом мире, ничто не отделяло человека от Бога. Там все было так, будто дух человеческий был с Богом заодно и глядел вместе с ним на все созданное» [17].

Можно усомниться, действительно, ли Юнг видел, ощущал себя двояко как номер один и два, как обычного человека и «человеческого духа». Уверен, что это так, подобно тому, как в подростковом возрасте Юнг развел Бога-революционера и канонического Бога, а я сновидения и бодрствование, и поэтому стал видеть-понимать сны иначе, чем обычные события. Чувственность человека послушно следует за схематизацией, осознанием и сменой жизненного мира.

Заключение

Один из вариантов работы со своим страхом смерти такой. Продумывание природы человека как биологического и культурного существа, признавая конечность первого и бесконечность второго. Стремление так жить, чтобы к концу жизни полностью реализовать свои замыслы и планы. При этом делать все, чтобы справляться с болезнями и чувствовать себя хорошо. Размышлять о жизни и смерти, в том числе в отношении самого себя. Стараться жить в соответствии с этими размышлениями, понимая, что это не просто рассуждения, а схемы, разрешающие экзистенциальные проблемы, меняющие жизненный мир и видение.

Предполагаю, читатель мог понять, что нет одного для всех правильного решения для преодоления страха перед смертью. Мог он также понять, что трудности с разрешением этой проблемы в наше время связаны с особенностью модерна. Еще он мог уяснить роль схем и, возможно, подумать, какие схемы он сам должен построить, чтобы преодолеть или снизить страх перед смертью, если таковой его преследует. При этом автор понимает, что представление о схемах – не универсальная отмычка, это одно из современных понятий семиотики и теории мышления. Использование этого представления предполагает семиотическую и культурно-историческую реконструкцию текстов со всеми сопровождающими подобную работу ограничениями.

Библиография

1. Беккер Э. Отрицание смерти. М.: АСТ, 2023. 416 с.
2. Бердяев Н. Смерть и бессмертие // Николай Бердяев "О назначении человека". М.: Республика, 1993. 383 с.
3. Библер В. С. Образ простеца и идея личности в культуре Средних веков // Человек и культура. М.: Наука, 1990. С. 81-125. EDN: QAZYXN
4. Жизненный мир. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Жизненный_мир (дата обращения: 25.10.2023).
5. Иванов В. Дионис и прадионисийство. Санкт-Петербург: Издательство "АЛЕТЕЙЯ", 1994. 350 с.
6. Ключков И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука, 1983.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И.

Полонской. М., 2014. 384 с. EDN: SYZVMJ

8. Платон. Послезаконие. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 438-460.

9. Платон. Государство. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.

10. Почему люди боятся смерти. URL: <https://www.google.com/search?q=Почему+человек+боятся+смерти&oq=chrome..69i57.12094j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8> (дата обращения: 25.10.2023).

11. Розин В. М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М.: URSS, 2011. 256 с.

12. Розин В. М. Феномен множественной личности: По материалам книги Дэниела Киза "Множественные умы Билли Миллигана". С. 89.

13. Татиан Ассириец. Речь против эллинов. 2023. URL: http://kistine.ru/library/tatian_asiriec-01.htm (дата обращения: 25.10.2023).

14. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1966. 448 с.

15. Шаповалов И. С. Постигание смерти в культурной антропологии Эрнеста Беккера // Манускрипт. 2023. Вып. 6. С. 398-409. DOI: 10.30853/mns20230071 EDN: IGEDQK

16. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: Air Land, 1994. 405 с.

17. Юнг К. Перемены. Веб-журнал. URL: <https://www.peremeny.ru/column/view/1202/> (дата обращения: 25.10.2023).

18. Ялом И. Вглядываясь в солнце: жизнь без страха смерти. М.: Бомбора, 2021. (цит. по URL: <https://kraevushka.livejournal.com/872876.html>) (дата обращения: 25.10.2023).

19. Greenberg, J., Pyszczynski, T., & Solomon, S. The causes and consequences of a need for self-esteem: A terror management theory. In Public self and private self. New York, NY: Springer, 1986. С. 189-212.

20. Iverach, L., Menzies, R. G., & Menzies, R. E. Death anxiety and its role in psychopathology: Reviewing the status of a transdiagnostic construct. Clinical Psychology Review, 2014. Т. 34, № 7. С. 580-593.

21. Furer, P., & Walker, J. R. Death anxiety: A cognitive-behavioral approach. Journal of Cognitive Psychotherapy, 2008. Т. 22, № 2. С. 167-182.

22. Solomon, S., Greenberg, J., & Pyszczynski, T. The Worm at the Core: On the Role of Death in Life. Random House, 2015. 274 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена философскому анализу природы страха перед смертью и возможностей его преодоления. Автор исследует этот феномен через призму авторской концепции "схемологии", рассматривая страх смерти как культурно и исторически обусловленное явление, которое может быть преодолено посредством создания определенных когнитивных схем.

Методология исследования

Автор применяет оригинальную методологию "схемологии" в сочетании с историко-культурным анализом и феноменологическим подходом. Используется сравнительный анализ различных культурных эпох, case-study метод (на примере воспоминаний К.Г. Юнга), а также элементы семиотического анализа. Методологический аппарат

представляется достаточно разработанным, хотя концепция "схемологии" требует более детального обоснования.

Актуальность

Тема исследования, безусловно, актуальна. В условиях современного секулярного общества вопрос о преодолении экзистенциального страха смерти приобретает особую остроту. Автор справедливо отмечает, что в культуре модерна страх смерти достигает максимальной интенсивности из-за отрицания наукой бессмертия души. Однако актуальность темы могла бы быть лучше обоснована ссылками на современные психологические и социологические исследования.

Научная новизна

Основная новизна исследования заключается в применении авторской концепции "схемологии" к анализу страха смерти. Оригинальным является тезис о том, что как страх перед смертью, так и его преодоление связаны со сменой жизненного мира и чувственности человека через построение определенных схем. Новизной обладает и историко-культурный анализ различных способов преодоления страха смерти в разные эпохи.

Однако степень новизны ограничивается тем, что многие положения статьи перекликаются с уже известными в философии концепциями (экзистенциализм, феноменология, культурно-историческая психология).

Стиль, структура, содержание

Структура статьи логична и последовательна. Автор движется от исторического обзора к теоретическому анализу, затем к конкретным случаям и обобщениям. Выделение подразделов способствует ясности изложения.

Стиль изложения академический, но местами избыточно усложненный. Некоторые формулировки требуют упрощения для лучшего понимания. Например, определение схемы как "сложного знака, а в проекции к реальности знания" нуждается в более ясном объяснении.

Содержательно статья богата историческими примерами и философскими размышлениями. Особенно ценным представляется анализ различных культурных подходов к смерти - от эпоса о Гильгамеше до христианской традиции и современности.

Критические замечания по содержанию:

Переход от исторического обзора к концепции "схемологии" недостаточно мотивирован

Понятие "схемы" используется в разных значениях без четкой дифференциации

Связь между схемами и нейробиологическими процессами постулируется, но не раскрывается

Библиография

Библиография включает 15 источников, что представляется недостаточным для столь широкой темы. В списке преобладают классические философские работы и труды автора. Отсутствуют современные исследования по танатологии, психологии смерти, нейронауке. Три источника являются интернет-ссылками, что снижает научную весомость работы.

Рекомендации по библиографии:

Включить работы современных танатологов (Э. Беккер, И. Ялом)

Добавить психологические исследования страха смерти

Расширить философскую базу работами по экзистенциализму

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знакомство с различными подходами к проблеме страха смерти, упоминая психологические объяснения, религиозные концепции, философские учения. Однако полноценной дискуссии с оппонентами не ведется. Автор скорее использует существующие концепции как иллюстративный материал для своей теории, чем вступает с ними в содержательный диалог.

Отсутствует критический анализ ограничений собственного подхода и сопоставление с альтернативными объяснениями феномена страха смерти.

Выводы, интерес читательской аудитории

Основные выводы статьи:

Страх смерти и его преодоление обусловлены культурными схемами

В разные исторические эпохи существовали различные способы преодоления страха смерти

Современная культура модерна создает максимальные условия для возникновения страха смерти

Преодоление страха возможно через создание новых схем и изменение жизненного мира

Интерес для читательской аудитории: Статья может заинтересовать философов, культурологов, психологов, работающих в области экзистенциальной проблематики.

Практическая значимость работы ограничена абстрактностью предлагаемых решений.

Общая оценка и рекомендации

Статья представляет оригинальный философский подход к важной экзистенциальной проблеме. Автор демонстрирует широкую эрудицию и способность к системному мышлению. Концепция "схемологии" заслуживает внимания как потенциально плодотворный исследовательский подход.

Основные недостатки:

Недостаточная разработанность методологического аппарата

Ограниченная библиографическая база

Отсутствие эмпирических данных

Неясность практических следствий теории

Рекомендации к доработке:

Более четко определить понятийный аппарат "схемологии"

Расширить библиографию современными исследованиями

Добавить эмпирические данные или конкретные примеры применения

Усилить дискуссию с альтернативными подходами

Конкретизировать практические рекомендации

Вердикт: Статья может быть рекомендована к публикации после доработки с учетом высказанных замечаний. Работа содержит интересные идеи, но нуждается в более

строгом научном обосновании и расширении исследовательской базы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – природа страха перед смертью. Методологической базой исследования является метаанализ как интеграция, обобщение и философское осмысление природы данного явления; а также кейс-анализ и дескриптивные методы исследования. Актуальность темы исследования состоит в изучении природы страха перед смертью как социокультурного конструкта, а также философских дискуссий о возможностях его преодоления.

В работе достаточно корректно используются термины, при этом автор обращается к научным категориям, анализирует труды философов и психологов, посвящённых изучаемой проблематике. Вместе с тем автор использует методы наглядного представления результатов исследования. Так, в тексте представлено две таблицы, однако они не имеют названий. Библиография содержит 18 источников на русском языке.

В тоже время автор не придерживается логики изложения, свойственной научному стилю. Например, в заключении он делится своим личным опытом: «Лично автор работает со своим страхом смерти следующим образом. Я продумываю природу человека как биологического и культурного существа, признавая конечность первого и бесконечность второго. Стараюсь так жить, чтобы к концу жизни полностью реализовать свои замыслы и планы. При этом делаю все, чтобы справляться с болезнями и чувствовать себя хорошо. Размышляю о жизни и смерти человека, в том числе в отношении самого себя. Стараюсь жить в соответствии с этими размышлениями, понимая, что это не просто рассуждения, а схемы, разрешающие мои экзистенциальные проблемы, меняющие мой жизненный мир и видение». В целом, статья имеет реферативный характер. В работе отсутствует научная новизна. Вместе с тем статья не структурирована, согласно общепринятой логике изложения материала. Так, в ней отсутствует раздел «Введение», соответственно, не представлено анализа степени научной разработанности проблемы, отсутствует описание методологии исследования, не обозначены его цели и задачи и т.д. Наряду с этим не обозначены и результаты исследования, отсутствуют обоснованные, чётко сформулированные выводы. Формально выделен раздел «Заключение», но реально в нём содержатся личные наблюдения автора, а не итоги научной работы. В разделе «Библиография» представлена литература только на русском языке, несмотря на то, что изучаемая тематика широко представлена в трудах зарубежных учёных, философов, культурологов, социологов.

Следует отметить, что заявленная тематика исследования интересна для широкого круга читательской аудитории. Результаты такого социально-философского анализа природы страха перед смертью и возможностей его преодоления могут быть использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе. Вместе с тем они представляют интерес для психологов и социальных работников. Однако статья нуждается в основательной переработке как с точки зрения её структуры,

так и содержания.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предлагаемая статья настолько яркая, интересная, эрудированная и методологически выверенная, что мне даже как-то неловко рассматривать вопрос, достойна или недостойна она публикации. Но это не исключает того, что с некоторыми ее утверждениями хочется поспорить.

У меня есть сомнение, например, что в истории культуры были периоды (архаическая культура и Средние века), когда страх перед смертью был относительно невелик. «В архаической культуре, – утверждает автор, – человек считал, что жизнь сосредоточена в душе, которая никогда не умирает. Смерть человека он понимал как уход души навсегда из тела в другой дом ... Поэтому, конечно, тоже боялся, но не так сильно, ведь смена жилья достаточно обычное дело. В Средние века, если иметь в виду христианскую культуру, складывается убеждение, что Бог обязательно воскресит умершего, и он будет продолжать жить уже «там», с Господом».

На это можно возразить следующим образом.

Во-первых, мы не знаем, как в века повсеместной религиозности относились к смерти. Судить об этом по проповеднической литературе, типа сочинения Татиана или Сведенборга, не вполне корректно, так как ее цель как раз и состояла в стремлении освободить от страха смерти тех, кто очень сильно ее боится. А если мы предположим, что об архаических культурах мы можем судить по современным нам «примитивным культурам», то опыт этнографов, антропологов и просто путешественников часто свидетельствует, что у дикарей страх смерти намного выше, чем у представителей современных цивилизаций, даже секуляризированных.

Во-вторых, мне кажется убедительным встречающееся мнение, что религиозность никак не снимает и не уменьшает страх смерти. Иначе как мы объясним тот страх, который испытывал перед смертью сам Иисус Христос. А ведь сказано: «начал ужасаться и тосковать» (Мк.14:32), «с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему Спасти его от смерти» (Евр.5:7). «Не такое уж это решительное средство против страха – говорил литературовед и переводчик Б. М. Энгельгардт. – Если бы вера действительно снимала страх смерти мог бы случиться повсеместный крах религиозного сознания». Посмертная жизнь всегда мыслится настолько в «иной модальности», что ничего не компенсирует из того, что мы теряем в жизни земной. Не случайно В. В. Розанов говорил, что уйти «на тот свет» он согласен лишь со своим носовым платком, т. е. во всей конкретности своего земного существования.

Можно поспорить и с таким утверждением: «Отдельные личности, и в нашей культуре – говорит автор со ссылкой на В. С. Библера – могут преодолевать социальную и культурную обусловленность. Возможность самоотстранения и самоотстранения ... позволяет индивиду вырываться за пределы внешней социальной и идеологической

детерминации и самодетерминировать свою судьбу, свое сознание, т. е. жить в горизонте личности. То есть быть индивидом, а не социальной ролью. Следовательно, отдельные личности, что и наблюдается, могут подниматься до создания схем, снижающих или полностью снимающих страх перед смертью».

На самом деле, большинство людей – как интеллектуальных, так и не очень – запросто преодолевают или даже «полностью снимают» страх смерти простым психологическим механизмом, который можно назвать «отвлечением». «Катон и Брут, – писал Ф. де Ларошфуко, – обратились к возвышенным помыслам, а не так давно некий лакей удовольствовался тем, что пустился в пляс на том самом эшафоте, где его должны были колесовать. Невзирая на то, что способы различны – результат один и тот же». «Отвлечения человеческие располагаются на многих уровнях – от обжорства до философствования, – писала литературовед Л. Я. Гинзбург. – Человек отвлекается, потому что иначе ему остается нестерпимое, попросту невозможное, чистое ожидание конца».

Многие философы – вроде Хайдеггера, Библера или автора данной статьи – в повседневном бегстве от смерти усматривают механизм превращения человека в то, что характеризовалось ими безлично-общее "Man". «Но "Man", дающее нам язык и культуру, дает и возможность жить, зная о смерти и не веря в бессмертие – утверждает опять Л. Гинзбург. – Социальный человек в процесс своей социализации (то есть обучения у "Man") приспособливается к этому знанию, как он приспособливается, по возможности, ко всему, мешающему жить».

В статье есть еще утверждения, с которыми хочется поспорить, но это превратило бы рецензию в полемику.